

К. Ф. Затулин¹УКРАИНСКИЙ ВОПРОС²

Люди старшего поколения наверняка помнят основную дилемму диссертанта советской эпохи. «Писать надо то, что думаешь, или то, что надо?» — спрашивает соискатель у научного руководителя. Правильный ответ: «Писать надо то, что думаешь. А думать — то, что надо».

Мне нет ни смысла, ни возможности прикидываться. Я слишком давно в «украинской» теме. Есть отдельные граждане, и у нас, и на Украине, считающие меня и таких, как я, за все в ответе. На Украине, во всяком случае, я давно приговорен судами и всеми президентами, за исключением Кравчука и Януковича: «Все де по Вашему сценарию».

Много чести. Не по сценарию, а по прогнозу. Две большие разницы, как говорят в Одессе.

Что будет с Россией и Украиной после украинской кампании, зависит от того, как и чем она закончится. Поэтому несколько исповедальных слов о прошлом и настоящем прежде, чем о будущем.

Считал ли и считаю ли я Украину в том варианте ее существования и развития, который свершался с 1991 года, главной проблемой и угрозой для России? Да, безусловно. Были ли шансы и возможности столкнуться ее с антирусского пути, не прибегая к войне или специальной военной операции? Конечно, были. Кто виноват, что этого не произошло? Сама Украина, заинтересованный в конфликте Запад и все мы в России, конечно. В разной степени, как и в случае с развалом СССР.

Таймер конфликта с Украиной был запущен с самого начала, в 1991 году. Многие этого не понимали или не хотели понимать. Но скорость отсчета остающегося до столкновения времени различалась. Первое ускорение случилось, на мой взгляд, в 1999 году в результате ратификации в России подписанного в 1997-м Большого договора «О дружбе, сотрудничестве и партнерстве»

¹ Первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, депутат Госдумы I, IV, V, VII, VIII созывов, Специальный представитель Государственной Думы по вопросам миграции и гражданства, директор Института стран СНГ. Автор сотен публикаций в отечественных и зарубежных СМИ, в т. ч. книг: «33 и еще одна история из жизни нашего материка», «Между Востоком и Западом. Украина на фоне оранжевой революции», «Россия и Абхазия: две страны — один народ», «Русский вопрос» и др. Член Научного совета при Совете безопасности РФ, Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом, Правительственной комиссии по миграционной политике. Награжден орденами Александра Невского, Почета, Дружбы, медалями «За отличную службу по охране общественного порядка», «В память 850-летия Москвы», «300 лет Российскому флоту»; орденами РПЦ святого благоверного князя Даниила Московского, преподобного Сергия Радонежского и преподобного Серафима Саровского, орденом Святого Саввы Сербской православной церкви; орденами и медалями Республик Армения, Абхазия, Южная Осетия, Нагорно-Карабахской и Приднестровской Молдавской Республик, Почетной грамотой и Почетным знаком Государственной Думы РФ «За заслуги в развитии парламентаризма» и др. Почетный гражданин Республики Абхазия и Республики Крым.

² Доклад подготовлен по материалам выступления на XXX Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике 14 мая 2022 г.

с Украиной: мы сдали возможность держать Украину на правовом крючке, признав прежние административные границы между УССР и РСФСР государственными. Признали Крым и Севастополь украинскими без достаточных гарантий и условий. И сослужили плохую службу, поставив будущих руководителей страны перед необходимостью в 2014 году нарушить взятые Россией обязательства.

Нас не то интересовало на Украине в 1990-е годы: не русский язык и образование, не права русскоязычных регионов, не судьба общей церкви, а заводы, фабрики и газопроводы. А еще больше мы были заняты собой. Приватизацией (это власть и бизнес) и погоней за мечтой о возвращении советского народовластия одновременно в Москве и Киеве (это оппозиция в Думе, КПРФ). Лично я, например, был исключен из Народно-патриотического союза России за борьбу против ратификации Большого договора. На заседании, которое вел Геннадий Андреевич Зюганов.

При Путине ситуация стала меняться, — но от уверенности, что все можно решить на «верхних этажах», через межэлитные договоренности с президентами и олигархами на Украине, мы слишком медленно переходили к необходимости собственной мобилизации в борьбе за умы и сердца своих вчерашних сограждан по другую сторону границы. Наша власть смотрела на многое глазами своих украинских фаворитов.

Признаюсь, что никогда в жизни не разговаривал и не встречался с Виктором Медведчуком: ни с его, ни с моей стороны никогда не было такой инициативы. Ну с его стороны понятно: кто такой этот Затулин? Мне же с самого начала было очевидно, что с Медведчуком мы тянем пустышку, как в домино. К сожалению, люди, принимавшие у нас решения, упорствовали в своей ставке, отвлекали себя от реальных необходимостей. Одна затяжка с раздачей российских паспортов на Украине сыграла свою роковую роль, соблазнив активное меньшинство решиться на майданы и перевороты. Разве рискнули бы, если бы треть, а то и половина граждан, живущих на Украине, имели бы в кармане, кроме украинского, российский паспорт? Мы не переборщили, а недоборщили с грамотным, умным и широким вмешательством в эти так называемые внутренние украинские дела.

Новое, решительное ускорение таймера — 2014 год. Последствиями госпереворота, краха наших иллюзий и попыток соблазнения продажной украинской элиты стал Крым, а затем Донбасс. Российская власть перестала рассматривать 2 млн крымчан, а затем и вообще русских на Украине как заложников фальшивой российско-украинской «дружбы, сотрудничества и партнерства». Поезд конфликта встал на рельсы. Но, сказав «а», в 2014-м не стали говорить «б», остановившись у ворот брошенного Мариуполя. Мало кто теперь не крепок задним умом, переживая по этому поводу.

Запад увидел в конфликте на Востоке Украины шанс прочесть Россию, нанести превентивный ущерб

ей как потенциальному союзнику Китая. Ослепленная ненавистью к России Украина пошла на поводу, отказываясь от исполнения Минских соглашений. Время теперь работало не на нас: взяв на себя фактическую ответственность за Донбасс, мы не смогли под пулями и снарядами наладить там нормальную жизнь и достичь успеха в негласном, но очевидном соревновании: где же лучше живется — в Донбассе или на остальной Украине, обнадёживаемой Западом?

Мы с Украиной восемь лет сидели на колесе, как в сюрлясе в гонках по вертикали. Я не велосипедист, но знающие люди говорят, что шанс проиграть больше у того, кто первым прервет паузу, тронувшись с места. Тот факт, что 24 февраля мы «перешли границу у реки», что бы мы потом ни говорили, оказал и продолжает оказывать огромное влияние на мировое общественное мнение, да и на нас самих. А это не должно было быть для нас безразлично. В 2008 году с Грузией мы такой ошибки не сделали.

Но теперь у нас «one way ticket». Запад, как мне кажется, от идеи ослабления и превентивного ущерба перешел к плану нанесения нам ущерба, несовместимого с жизнью. Слишком велик соблазн, который растет по мере затягивания спецоперации. Самое худшее — призрак советско-финской войны. Как известно, Гитлер сделал из нее ложный вывод, — что Советский Союз на глиняных ногах, — но цена его просчета не дает повода для радости.

Не должно быть иллюзий — мы все в одной лодке, и поражение власти Путина — это пролог к развалу страны по образцу 1917 или 1991 года. Надо побеждать любой ценой.

Вячеслав Никонов в своей «Большой игре» сейчас повторяет дедовские слова: «Наше дело правое. Победа будет за нами». Но что есть победа? В чем она состоит для нас в сегодняшней ситуации? Была, как известно, сформулирована цель: нейтралитет и невступление Украины в НАТО, демилитаризация, денацификация, признание возвращения Крыма и независимости республик Донбасса. Я не верю в достижение этих целей, пока на Украине существует нынешняя власть и территории под ее контролем.

В состоянии ли мы свергнуть Зеленского и (или) не оставить ему земли под ногами? У нас хватает выдающихся экспертов и аналитиков, которые настаивают на том, что в ходе спецоперации мы должны дойти до конца, до границы с Польшей. Потому что иначе враждебная нам Украина продолжит существование. Было бы странным с моей стороны бороться за сохранение враждебной Украины. Но можем ли мы рассчитывать на успех «освободительного похода Красной армии» на Западную Украину? А самое главное, не приведет ли он к повторному запуску троянского коня в наше историческое пространство? О такой опасности еще в 1904 году предупреждал министр внутренних дел Дурново, предостерегая царя от Галиции.

Ответ на вопрос о пределах возможного в ходе военной операции — за нашим военно-политическим руководством. Что же касается нейтралитета, демилитаризации и денацификации, то я не верю в это на терри-

ториях, которые останутся под контролем правительства Украины. А значит, ограничиться признанием Крыма и республик Донбасса, чего тоже не достичь переговорами, было бы поражением на перспективу. Не говоря уже о том, что поставило бы под вопрос все достижения в Херсонской, Запорожской и других областях Украины.

Нужно взять свое, Новороссию, чтобы максимально ослабить враждебную Украину и продолжить неизбежную с ней борьбу в других формах. Сапармурат Туркменбаши, объясняя запрет балета в Туркмении, в свое время сказал: «В крови туркмен нет балета». Мы вправе решить, что в крови западнцев и бандеровцев нет моря. Возвращение Украины к статусу сухопутной страны поумерит амбиции всяких Джонсонов строить военно-морские базы на украинском побережье, снабжать Украину оружием по морю и рассматривать императорский кораблестроительный завод в Николаеве как добычу Британской короны. Без выхода к приднестровско-молдавской границе мы поощряем идеи расправы с Приднестровьем, которые уже готовятся осуществить. Я убежден, что стратегически город-герой Одесса гораздо важнее, чем город-герой Киев. Если приходится выбирать.

Вопрос о том, как должна быть устроена власть и какую форму она должна принять на освобожденных территориях, принадлежит ближайшему будущему: включение в РФ, присоединение к ДНР и ЛНР, формирование новых республик, вроде Херсонской, по их образцу или даже «Украины 2.0». Главным в вопросе послевоенного устройства должны быть гарантии его для России и самочувствия местного населения. Тем более, что, как я уже сказал, надеяться на прочный мир не приходится.

Гораздо больше сейчас волнует вопрос, как добиться решающего перелома в войне, несмотря на всю Западную королевскую рать. Как организовать единый фронт и тыла, чтобы свести к минимуму сегодняшнюю разобщенность? Некоторые уважаемые мной люди черпают оптимизм в том, что бардака на Украине по определению больше, чем у нас. Соглашаясь с этим, не могу не заметить, что зато у Украины теперь есть за ней смотрящие на Западе. Во Вторую мировую они поставляли нам «студебеккеры», на Украину теперь они отправляют кое-что летальнее и современнее. Я уже давно говорю, что без нового издания Государственного комитета обороны мы вряд ли обойдемся. Дело не в ограничении демократических прав и свобод, а в том, чтобы провести всюду единую волю во имя победы. Разве у Сталина в 1941 году было мало власти? Чрезвычайная ситуация, война требует чрезвычайных решений и структур.

После того, как в борьбу на Украине так откровенно вмешался Запад, специальная военная операция с каждым днем все больше приобретает для нас характер Отечественной войны. Это нужно понимать. И люди в большинстве это понимают. Оставьте узким специалистам рассуждения о «прокси-войне», «гибридной войне» и др. Это Отечественная война, потому что от ее исхода зависит судьба России.